

ЯЗЫК, РЕЧЬ, ДИСКУРС: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СВОЙ ИЛИ МОЙ: СИНТАКТИКА, СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА

Э.В. Колесникова

Кафедра философии
Московский государственный институт
(Университет) международных отношений
пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

В статье обсуждаются вопросы употребления анафора *свой* и личных местоимений-прилагательных с точки зрения формального синтаксиса, семантики и прагматики.

Ключевые слова: анафор, прономинал, теория управления и связывания, грамматичность, приемлемость.

И я его корю: зачем ты лих?
Зачем ты воздух детским лбом таранишь?
Все это так. Но все ж он мой товарищ.
А я люблю товарищей моих.

Белла Ахмадулина

Почему в последней строчке Белла Ахмадулина не выбрала форму *своих*, хотя и ритм, и рифма вполне позволяют? Почему во многих других стихах — самых разных авторов, в самые разные времена — мы встречаем такое употребление? Поэтическая вольность? Но вот билборд на центральном проспекте столицы: *Используя приборы высокого класса энергоэффективности, вы экономите ваши деньги!* Или же надпись в окошке веб-сайта, предусматривающего авторизацию: *Введите ваши персональные данные.* Таких примеров можно привести огромное количество. Почему неопределенно-личное *свой* занимает одну структурную клетку вместе с личными *мой/наш, твой/ваш*? Почему язык это допускает и не избавляется от дублетов? И почему, наконец, носители русского языка порой отказываются признавать конструкции с личными формами правильными?

При этом, выступая в «экспертной роли», носители языка называют неприемлемыми те конструкции, которые сами используют в речи. Выбор между неопределенно-личной и личными формами носители языка делают интуитивно и не

испытывают при этом сложностей. Проблемы начинаются лишь при сопоставлении русского языка с теми языками, где аналоги русского *свой* отсутствуют. В качестве примера приведу два вопроса, заданных в Сети в лингвистическом сообществе Живого журнала и на лингвистическом форуме: «Как, с точки зрения правил и логики, можно объяснить, когда в русском языке используется местоимение „мой“ [...], а когда нужно говорить „свой“? [...] Вопрос возник из общения с немецкоговорящими товарищами»; «У нас обычно нельзя заменить „он взял свою книгу“ на „он взял его книгу“, тут уже получается другой смысл (взята книга кого-то третьего). Но все же это позволяет маневрировать языком, например, „они занялись своим делом“ при достаточном контексте можно заменить на „они занялись их делом“, подчеркивая, что занялись конкретно тем, чем им следует заниматься и не лезут в другие дела. Такого рода маневры невозможны, а вернее сказать, просто недоступны как идея носителям языков, где притяжательное местоимение „свой“ отсутствует». Весьма примечательно, что на первый вопрос отвечали лингвисты, однако уверенного ответа так и не нашлось (1).

И в самом деле — отчего в языке такая неразбериха, что не поймешь, когда говорить *свой*, а когда *мой/наш, твой/ваш*? Что я сейчас делаю — пишу *свою* статью или же *мою*? Вы сэкономите *ваше* время, бросив ее читать, или все-таки *свое*? Подобного рода вопросы встают не только перед пользователями социальных сетей, но и перед синтаксистами. К примеру, замечание А.М. Пешковского: «[Н]аша возвратность гораздо шире возвратности всех этих (неславянских индоевропейских — Э.К.) языков и вообще максимально широка. Вот несколько литературных примеров на возвратные местоимения в соотношении с 1-м и 2-м лицами обоих чисел: [...] *Я пережил свои желанья, / Я разлюбил свои мечты.* [...] Это исконная особенность славянских языков. Современный литературный русский язык, правда, уже частично изменил этой особенности, как видно из следующих примеров: *В семье моей я мнил найти отраду, / Я дочь мою мнил осчастливить браком.* [...] Выбор между этими прилагательными, когда они употребляются в смысле *свой*, и самим этим *свой*, по-видимому, совершенно свободен в настоящее время в литературном языке. И, как это бывает при каждом грамматическом синониме, на этот выбор накладываются уже и стилистические оттенки» [6. С. 160—162] (курсив Пешковского. — Э.К.).

Как видим, в рамках традиционного (неформального) синтаксиса проблема (квази)синонимии форм *свой* и *мой/наш, твой/ваш* не решается: ее можно лишь констатировать, признав их взаимозаменяемость. Есть ли у этой проблемы формальное решение или же лингвистам, как и носителям языка, остается лишь опираться на свою языковую интуицию?

Далее я постараюсь рассмотреть этот вопрос в рамках теории управления и связывания (Government and Binding Theory, G&B; [2—4]). Вот три ее основных тезиса, от которых я буду отталкиваться в дальнейших рассуждениях.

А. Анафор (anaphor) связан в своей непрозрачной области (т.е. внутри той клаузы, в которой находится его антецедент).

В. Прономинал (pronominal) свободен в своей непрозрачной области.

С. Референциальное выражение (r-expression) свободно.

Применяя G&V к русскому синтаксису, мы видим, что правило А работает для него идеально: русские анафоры (рефлексивы *свой, себя* и реципрок *друг друга*) ведут себя в строгом соответствии с ним. Посмотрим на несколько примеров, разметив их референциальными индексами:

- (1) Я_i люблю свою_i собаку.
- (2) *Ты_i тоже любишь свою_j собаку.
- (3) Я_i вижу себя_i на этой фотографии.
- (4) *Ты_i тоже видишь себя_j на этой фотографии.
- (5) Мы_i поздравили друга_i друга_r.
- (6) *Вы_i тоже поздравили друг друга_r.

Хорошо видно, что неграмматичными оказываются примеры (2), (4) и (6), нарушающие правило А: в них рефлексивы и реципроки свободны в своей непрозрачной области. В примерах (1), (3) и (5), где они связаны, все в порядке. Однако, хотя *свой* ведет себя как стандартный анафор, возможность его замены на *мой/наш, твой/ваш* создает сложности для синтаксической теории. В самом деле: для 3 л. не существует личного местоимения-прилагательного, его функцию выполняет род. пад. личных местоимений. Эти местоимения являются типичными прономиналами и подчиняются правилу В:

- (7) Джон_i любит свою_i жену.
- (8) Джон_i любит его_j жену.
- (9) *Джон_i любит его_i жену.

Неграмматичность (9) обусловлена тем, что прономинал оказывается связанным в своей непрозрачной области: поскольку он может найти свой антецедент только за пределами своей клаузы, грамматичным является высказывание (8), в котором антецедент и прономинал не кореферентны.

Однако что происходит с подобными рода конструкций с 1 и 2 лицом? В английском языке детерминаторы *my, our, your* относятся к классу притяжательных прилагательных (possessive adjectives) и, соответственно, не подчиняются правилам G&V. Они свободно сочетаются с местоимениями любого лица, а также с референциальными выражениями. По-английски одинаково грамматичны высказывания и *I love my hamster*, и *You love my hamster*, и *Noam Chomsky loves my hamster*. А как обстоит дело в русском языке, где эта стройная картина осложнена анафором *свой*?

Если в систему вторгается еще один элемент, он либо заставляет всю систему перестроиться, либо оказывается вытолкнутым из нее. Однако на протяжении долгой истории русского языка анафор *свой* сосуществует с личными местоимениями-прилагательными 1 и 2 л.; стало быть, в этом участке грамматической структуры мы имеем дело с системными отличиями русского языка от английского, испанского, итальянского и др., не имеющих аналога русского анафора *свой*.

Продолжая свои рассуждения, А.М. Пешковский проводит параллели между анафорами *свой* и *себя*, и эти параллели, как ему кажется, лишь еще больше смазывают и без того нечеткую картину: «[С]очетания *я люблю одного меня, ты заботишься только о тебе, вы пришли к вам домой* и т.д. звучат совершенно не по-

русски, тогда как *люби ближнего своего*, как *самого себя* и *люби ближнего твоего*, как *самого себя* звучат уже сейчас почти одинаково по-русски. Кстати, в последнем примере как раз очень ярко выявляется эта разница между прилагательными и существительными: сказать „*люби ближнего твоего*, как *самого тебя*“ было бы невозможно. Таким образом, относительно местоимения *себя* можно сказать, что оно в отличие от неславянских языков должно у нас относиться ко всем трем лицам; относительно же местоимения *свой* нужно сказать, что оно в отличие от тех же языков лишь может относиться ко всем трем лицам, прямое же его значение — отношение к 3-му лицу» [б. С. 162].

То, что Пешковский определяет как «по-русски» либо «не по-русски» сказанное, в генеративной грамматике описывается в терминах приемлемости / грамматичности [1]: приемлемыми, напомним, называются такие предложения, которые носителем языка признаются в качестве правильных, т.е. определяются в выражениях вроде «так сказать можно» (или же, как пишет Пешковский, «это по-русски»). Грамматичными являются те предложения, которые лежат вне того множества, которое допускается грамматикой данного языка. Носитель языка, не имея доступа к области грамматического, может выносить суждения только о приемлемости / неприемлемости предложения. Эти области не всегда совпадают: носители языка могут не пропустить в число приемлемых те предложения, которые вполне грамматичны. Приведенные Пешковским примеры хорошо объясняются с точки зрения соотношения приемлемости и грамматичности. Строго говоря, Пешковский рассматривает как аналогичные те синтаксические конструкции, между которыми аналогии нет. Или, по крайней мере, аналогия весьма неполна и неточна. Почему *люби ближнего твоего* приемлемо, а *как самого тебя* — нет? Во втором случае *тебя* является прономиналом и, согласно G&V, должен быть свободен в своей непрозрачной области. В данном случае он связан, поэтому **как самого тебя* неграмматично и одновременно неприемлемо. *Твоего* же прономиналом не является и легко может вступать в подобные синтаксические отношения. Предложение *люби ближнего твоего* вполне грамматично. Однако всегда ли конструкции, подобные этой, признаются носителями языка в качестве приемлемых? Будет ли приемлемым предложение ^{??}*Возьми твои игрушки и иди к себе в комнату?* Я специально выбрала пример со 2 л. ед.ч. — именно подобные предложения чаще всего отвергаются носителями языка как неприемлемые. Ниже я попытаюсь показать, почему.

Итак, с точки зрения грамматической теории одинаково возможно употребление по отношению к 1 и 2 л. как неопределенно-личного *свой*, так и личных *мой/наш*, *твой/ваши*. При этом *свой* является типичным анафором, а личные формы, не относясь к прономиналам, ведут себя как типичные прилагательные. Их использование на месте нейтрального *свой* всегда маркировано и несет дополнительную (по отношению к простому выражению посессивности) семантическую нагрузку.

Причины замены анафора *свой* на личные *мой/наш*, *твой/ваши* — не синтаксического, а семантико-прагматического характера и обусловлены в первую очередь коммуникативным заданием говорящего. В этом несложно убедиться, сопоставив

синонимичные синтаксические конструкции. *Моя ручка не пишет, дай твою* (10). Моя интуиция, как и интуиция небольшого числа опрошенных мною информантов, говорит о том, что в этом случае дейктик *твою* предпочтительнее анафора *свою*. Теперь попробуем ту же самую синтаксическую конструкцию вписать в несколько иной контекст. Пусть X и Y одновременно купили две одинаковые ручки. X обнаружил, что его ручка не пишет, и сообщает об этом Y-ку: *Моя ручка не пишет, попробуй свою* (11). В обоих случаях интересующая нас единица стоит в одной клаузе с инфинитивом и противопоставлена дейктику *моя*. Почему тогда в (10) предпочтительнее притяжательное прилагательное, а в (11) — анафор? Такого рода сомнительных случаев оказывается довольно много, однако для некоторых из них удастся дать семантико-прагматическое объяснение. Я поподробнее последовательно их рассмотрю.

Синонимичны ли высказывания (12) *Мы в ответе за будущее наших детей* и (13) *Мы в ответе за будущее своих детей*? Можно ли в этом случае заменять *наших* на *своих* и наоборот без потерь для смысла высказывания? Интуитивно очевидно, что (12) может произнести в том числе и человек, не имеющий детей, а вот в (13) для этого есть препятствия, поскольку это высказывание можно перефразировать как *Каждый в ответе за своих детей / своего ребенка*, т.е. ‘каждый в ответе за детей / ребенка, родителем которых он является’. Высказывание (12) лишено этой семантики, *наши дети* могут означать ‘дети людей той группы, к которой принадлежит говорящий’. Это могут быть, например, *дети нашего города, дети нашей страны* и даже *дети всего человечества*. Таким образом, дейктик *наши* может относиться к той группе, элементом которой говорящий не является. Ср. (14) *Мы гордимся нашими достижениями в области экспериментальной фонетики*: на счету лично говорящего подобных достижений может и не быть, в то время как анафор *своими* их обязательно презумпирует (2).

Второй случай представляют собою употребления дейктика *ваши* в одной клаузе с кореферентным субъектом.

- (15) *Используя энергосберегающие приборы, вы экономите ваши деньги.*
- (16) *Пожалуйста, введите ваши персональные данные.*
- (17) *Будет лучше, если вы отредактируете вашу последнюю главу.*
- (18) *Будьте добры, уберите вашу сумку с прохода.*

Следует для начала заметить, что во всех этих примерах может быть употреблено как *вы/ваши* мн.ч., так и *вы/ваши* вежливости, суть дела от этого не меняется (3). Примеры типа (15—18) носители языка свободно пропускают в число приемлемых. В чем здесь дело? Попробуем последовательно заменить дейктики на 2 л. ед.ч.

- (15а) ?? *Используя энергосберегающие приборы, ты сэкономишь твои деньги.*
- (16а) ?? *Пожалуйста, введи твои персональные данные.*
- (17а) ?? *Будет лучше, если ты отредактируешь твою последнюю главу.*
- (18а) ?? *Будь добр, убери твою сумку с прохода.*

Очевидно, что случаи (15а—18а) требуют анафора *свой*. Почему дейктик 2 л. ведет себя иначе? Мне кажется разумным предположить, что в примерах (15—18)

мы имеем дело с тавтологической маркировкой вежливости, выраженной удвоением дейктического местоимения. *Уберите вашу сумку* воспринимается вежливее и в известном смысле уместнее, чем *Уберите свою сумку*. При обращении на «ты» такого рода выражение вежливости по отношению к адресату невозможно (4).

Особый случай представляют собою те высказывания с дейктиком *мой*, в которых говорящий является субъектом клаузы: *люблю моего сладкого; сейчас дам косточку моему песику; соскучился по моей девочке*. Отсутствие в этих случаях замены дейктика на анафор объясняется, как мне кажется, устойчивыми номинациями типа *моя радость, моя любовь, мой хороший* и под., которые остаются неизменными, попадая в свою непрозрачную область. Вообще надо заметить, что *мой* по сравнению со *свой* обладает более выраженной семантикой интимности и важности для говорящего его личной сферы, его приватного пространства. *Я не позволю вам вмешиваться в мою личную жизнь* звучит сильнее и категоричнее, чем аналогичное высказывание с анафором: как видим, семантика принадлежности говорящему здесь выражена тавтологично — не просто *моя*, но *моя и только моя личная жизнь*.

Таким образом, во всех приведенных примерах мы видим, что употребление личных местоимений-прилагательных на месте анафора объясняется некоторой фигурированностью речи, т.е. определенным коммуникативным заданием говорящего. Они всегда маркированы на фоне немаркированных конструкций с анафором. Анализ предложений с притяжательными местоимениями-прилагательными с точки зрения теории управления и связывания показывает, что замена *свой* на *мой/наш, твой/ваши* не вполне произвольна и получающиеся в результате этой замены предложения не полностью синонимичны исходным. С точки зрения формального синтаксиса оба варианта — и с анафором *свой*, и с личными местоимениями-прилагательными *мой/наш, твой/ваши* одинаково грамматичны. Степень приемлемости употребления последних и те границы, в которых оно возможно, определяются интуицией говорящего и слушающего.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Нередко авторы учебников русского языка для иностранцев тоже испытывают сложности с формулировкой правила, по которому *свой* заменяется на личные формы. Ср.: «Местоимение *свой* указывает на принадлежность предмета первому, второму или третьему лицу, если это лицо в предложении является действующим лицом. [...] Если в предложении подлежащее выражено личным местоимением первого или второго лица (*я, ты, мы, вы*), то местоимение *свой* иногда можно заменить соответствующим притяжательным местоимением первого или второго лица (*мой, твой, наш, ваши*). [...] Смысл при этом не меняется» (Выделено авторами. — Э.К.) [7. С. 157—158].
- (2) Еще в 1947 г. акад. В.В. Виноградов обратил внимание на то, что личные формы *мой/наш, твой/ваши* обладают дополнительной семантикой: «[...] Лексические значения слов *мой, твой, свой, ваши, наш* далеко выходят за пределы прямой притяжательности. Например, *ваши* имеет значение: *удобный вам, близкий вам*. „Я думаю, он просто якобинец, *ваши* Чацкий“ (Грибоедов). Да и в притяжательном употреблении *ваши* носит ярко выраженный оттенок качественности. Например: „И вы не смаете всей *вашей* черной кровью поэта

праведную кровь“ (Лермонтов). Ср. *наш*: „Пусть мы в борьбе сжигаем наши дни“ (Безыменский); „Тесней, о милые друзья, тесней наш верный круг составим“ (Пушкин)» (Курсив Виноградова. — Э.К.) [5. С. 202—203].

- (3) Нельзя, разумеется, не отметить влияния неславянских европейских языков (в первую очередь, английского), порождающего такие калькированные структуры, как *Вы доверяете вашему порошку?* или *Я могу быть уверена в моем дезодоранте*. Ни семантических, ни прагматических причин для подобной замены анафора на личные формы в таких случаях не наблюдается.
- (4) Исключения составляют религиозные (в основном христианские) тексты. Напр.: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим»; «Владычица наша, Защитница наша, Заступница наша, с Сыном Твоим примири нас, Сыну Твоему поручи нас, к Сыну Твоему приведи нас»; «Господи, прости и помоги. Духа Твоего Святого не отними от меня».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Chomsky N.* Aspects of the theory of syntax. — Cambridge, Mass.: MIT Press, 1965.
- [2] *Chomsky N.* Lectures on government and binding. Studies in Generative Grammar 9. — Dordrecht: Foris, 1981.
- [3] *Grodzinsky Y., Reinhart T.* The innateness of binding and coreference // *Linguistic Inquiry*. — 24. — 1993. — P. 69—101.
- [4] *Reinhart T.* Anaphora and semantic interpretation. — London: Croom Helm, 1983.
- [5] *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). — М.-Л.: Учпедгиз, 1947.
- [6] *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Учпедгиз, 1956.
- [7] *Пулькина И.М., Захава-Некрасова Е.Б.* Учебник русского языка для студентов-иностранцев. — М.: Высшая школа, 1964.

SVOY OR MOY: SYNTAX, SEMANTICS, PRAGMATICS

E.W. Kolesnikowa

Philosophy Department
Moscow State Institute (University) of International Relations
Vernadskogo av., 76, Moscow, Russia, 119454

This paper discusses the syntax, semantics and pragmatics of Russian anaphors and possessive adjectives from the point of view of the Government and Binding Theory. Also here a distinction is drawn between acceptability and grammaticality in this case of language using.

Key words: anaphor, pronominal, government and binding theory, grammaticality, acceptability.